

УДК 316.3(477)

Т. Г. Каменская,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский бульвар, 24/26, Одесса-58, 65058, Украина
тел.: (0482) 68 60 92
e-mail: nikadevichya@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

Статья посвящена изучению одной из функций социального знания как научной социологической категории. Через анализ исторических событий, происходящих в различных условиях в странах Западной Европы и в Советском государстве, мы устанавливаем отличия конструктивистского подхода к социальным процессам и принципа управления процессами в советском обществе. В результате мы приходим к выводу о том, что создание условий для социального знания есть признак формирования гражданского общества.

Ключевые слова: социальное знание, доверие, конструирование социальной реальности, виртуализация социальной реальности.

По отношению к процессам, происходящим в украинском обществе, применяются, как правило, термины “трансформация”, “модернизация”, “социальные изменения”. Вектор этих процессов выстраивается в направлении построения гражданского общества в Украине. Гражданское общество, по определению А. Турена, представляет собой такое общество, “где большое число действующих лиц оказывают влияние на политические решения” [1, с. 21]. Сопричастность политическим решениям предполагает, что это большинство людей обладает способностью разбираться в происходящем в политике и в других важных для жизни общества событиях. Другими словами, тот вектор трансформаций, который выбрала для себя Украина, может быть осуществлен при появлении у все большего числа граждан определенных свойств, качеств. Эти качества должны на интеллектуальном и рациональном уровнях обеспечивать людям постижение истинного положения дел, уразумение онтологии происходящего. В обществе актуальным становится развитие определенного типа знания. Логично вытекает и название этого типа знания — социальное знание. Для социологической науки изучение данной категории также является актуальным.

Целью нашего исследования будет установление того, каким образом в условиях построения гражданского общества в Украине формируется новый тип знания “социальное знание”.

Объектом исследования будет социальное знание. Предметом исследования определены особенности формирования этого нового типа знания в условиях современного украинского общества.

Проблемами, затрагивающими непосредственно область социального знания, в Украине занимаются М. Ю. Наумова, И. М. Попова, Е. И. Головаха, В. И. Тарасенко, Ю. Ф. Пачковский, В. Е. Пилипенко, Ю. А. Привалов, В. Н. Щербина, В. И. Судаков. К методологическим проблемам социологического и социогуманитарного познания обращались: В. И. Подшивалкина, В. Г. Городяненко, Ю. И. Яковенко, В. Е. Пилипенко. Те, кто пытались выработать определение социального знания как научной категории, как правило, сходились на его коллективной природе. В итоге социальное знание практически оказывалось синонимом конвенциональному знанию.

В авторской разработке социальное знание определяется как исторически обусловленное социальное явление, уходящее истоками к способностям отдельных индивидов обладать здравым смыслом. По мере внедрения в жизнь достижений науки увеличивается в обществе “область незнания”, непонимание людьми онтологических начал в области высоких технологий, в банковских и медицинских услугах, в политических процессах, в психо- и социоинженерных тактиках воздействия и манипуляциях.

В качестве компенсаторного механизма против использования незнания формируется феномен распознавания идейных и социальных конструктов — “социальное знание”. Отличие познавательных усилий субъектов научной деятельности от познавательных усилий неисследователей заключается в том, что последние обходятся с научными знаниями (прибегая к компьютерной метафоре) как пользователи. Внедряющиеся в жизнь знания всем людям навязывают интеллектуальную активность. Главным назначением (функцией) социального знания является приближение представлений людей о социальных процессах и социальном обустройстве жизни к знанию реального положения вещей, к точному знанию.

До появления активной политико-идеологической практики социального знания (как индивидуально-коллективного ресурса распознавания знанием сконструированной социальной реальности) просто не могло быть. Социальное знание оформлялось в ходе интеллектуализации жизни, по мере развития идеологических технологий в условиях социального конструктивизма.

Знания о социальной сущности человека лежат в основе конструирования социальной реальности. По мере распространения этих знаний и “просачивания” в массы принципов конструирования растет число попыток и практик управления поведением других. Произошедшее за последние десятилетия преобразование в сфере применения знания метафорически можно выразить как распространение *искусства социального конструирования* до уровня широкодоступного *мастерства*. Изменившуюся таким образом форму конструктивизма целесообразно называть процессом виртуализации социальной реальности. Под виртуализацией социальной реальности мы понимаем процессы, сменившие социальное конструирование в том виде, как его понимали классики конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман. Работа “Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания” (1966 г.) была посвящена изучению механизмов превращения (с

помощью знаний) “субъективных значений” в социальную реальность и в объективную фактичность. Комплекс социогуманитарных изменений со временем привел к тому, что процесс конструирования и достраивания социальной реальности *распространился из сферы крупномасштабных классовых отношений в групповые, корпоративные, межличностные* в виде социальных технологий и психоинженерных практик.

Виртуализация социальной реальности означает непрекращающиеся замысливания и внедрения в социальную организацию общества искусственных социальных конструкций, социальных технологий, манипулятивных усилий для достижения субъективных целей, имеющих, как правило, образ общепризнанных и социально значимых проектов.

Процесс виртуализации по своему охвату претендует на статус специфического цивилизационного исторического периода, в который украинское общество включилось при особых условиях.

Процессы конструирования социальной реальности с использованием знаний о человеческом поведении зарождались и разрабатывались в западноевропейских странах. Период со второй половины и до 90-х годов XX столетия для населения советской страны проходил в условиях уже непрочного, но авторитарного режима. В странах социализма не действовали механизмы “вращения мнений” или конкурентного соперничества за доверие к той или иной информации, к тому или иному социальному институту. Однажды навязанная советская идеология держала всех в подчинении и безальтернативном доверии к ней. В итоге процесс конструирования социальной реальности мы (население советских республик) пропустили и, не выходя из режима зависимости от прежней идеологии, сразу испытали на себе процессы виртуализации.

Феномены веры или доверия, как обратил внимание еще Э. Дюркгейм, имеют прямое отношение к конструктивизму, а в настоящих условиях и к виртуализации. Зафиксированные в линейном историческом анализе трансформации — от религиозных верований к конструированию идеологий, социальных мифов и к современному периоду виртуализации социальной реальности — в такой последовательности сменяли друг друга в западной культуре. Для представителей украинского общества переход от глубокой религиозной веры (от дореволюционного периода) к распространяющимся верованиям субъектам конструирования и виртуализации строилась принципиально иначе.

История свидетельствует, что доминирование одного религиозного мировоззрения постепенно сменяется на конфессиональное многообразие. Этнонациональные и государственные образования в период сильного религиозного влияния основывались на единоначалии веры. Мировоззрение большинства членов обществ было подчинено одному или, как в Российской империи, нескольким конфессиональным центрам. На смену этим условиям приходит определенная полифония в мировоззрениях и верованиях членов обществ, которая постоянно раздробляется на все большее число оттенков убеждений, предпочтений, стилевых идеологий жизни. Постепенно и размеренно такие изменения происходили в европейских странах. Эта же тен-

денция продолжается и сейчас, когда на смену социальному конструированию приходит период виртуализации социальной реальности.

Для нашего общества отличие заключалось в том, что с образованием советского государства для людей не наступило логического многообразия религий, идеологий, универсумов и подуниверсумов. В стране была выстроена единая атеистическая идеология с ограниченным и строго контролируемым числом религиозных конфессий. Под запретом были даже суеверия. После длительного “единоверия” украинское общество резко переходит к многообразию того, во что активно предлагается поверить. Такой переход обозначился целым рядом социальных и социально-психологических потрясений для населения Украины. Известный украинский исследователь Е. И. Головаха в 1990-е годы в анализе тех событий употребил определение “социальное безумие”. По отношению к социально-политическим процессам того же периода А. С. Лобанова применила понятие “социальная мимикрия”. Термин “мимикрия” известен больше как биологический термин, и, по мнению автора, именно оттенок биологической компоненты способен охарактеризовать возникшее специфическое состояние определенной части украинского общества — мимикрировать без оглядки на морально-нравственные нормы.

В обществе стали обнаруживать себя, с одной стороны, модели поведения, связанные с неоправданной гипердоверчивостью, с другой стороны, — с ярко выраженным недоверием. При этом постсоветское украинское общество обладало еще сравнительно высоким интеллектуальным запасом, достаточно равномерно распределенным среди всех граждан. Однако образованность и начитанность советских граждан не соответствовала тому, что мы определили как социальное знание (исходя из нашей трактовки этого феномена).

Глубокие и обязательные общеобразовательные знания частично реализовывались в научных достижениях. Самыми наукоемкими были промышленность, военная техника, космонавтика, химическая отрасль. Социогуманитарные знания хотя и разрабатывались в естественнонаучной парадигме, но не находили практического спроса. Социальная организация общества опиралась на силовые методы, без опоры на достижения социогуманитарных наук. Для руководящей элиты не стоял вопрос поиска методов убеждения или привлечения людей на сторону той или иной политической силы. Социальные процессы не регулировались с помощью социогуманитарных знаний, следовательно, и не было необходимости в их распознавании. Слабым отголоском социального знания в Советском государстве были слухи. В слухах содержалось социальное знание в качестве утечки скрываемой от общества правдоподобной информации. В 1990-е годы с началом либерализационных процессов это была одна из актуальных тем в социологических и социально-психологических исследованиях.

Из исторического социоанализа следует, что *поскольку в организации советского общества единственная политическая сила обходилась, в основном, без достижений социогуманитарных знаний, то и не возникало потребности в социальном знании.* Организация и порядок в обществе под-

держивались за счет силы. И те, кому удавалось что-то узнать об истинном положении дел, должны были испытывать сильное внутреннее напряжение. Знать что-то важное для окружающих и не иметь возможности применить его в деятельности, в поступках — сродни кассандрическому синдрому.

Любой период трансформаций и переустройств сопровождается болезненными “отмираниями” и “зарождениями”. Практически во всех сферах имеют место кризисы, усиливающие долю риска в деятельности индивидов. Ситуации риска создаются как при недостатке информации, так и при ее избытке. Подчеркиваем: информации, а не знания. Знаний в излишке, по сути, не может быть. Человеку практически невозможно уследить за тем, когда и каким знанием формируется его рациональные или интенциональные жизненные установки. Особенностью недавних изменений в украинском обществе (как и на всем постсоветском пространстве) является то, что без навыков распознавания, выбора, а также без внешних условий к этим действиям по распознаванию, наше население оказалось в гуще разнонаправленной информации и практически без знаний о том, как с нею обходиться. Виртуализироваться социальные процессы в Украине стали не постепенно, а стремительно и хаотично.

Сегодня много говорится о жесткой интервенции демократических и либерально-рыночных отношений в страны, которые были не подготовлены к таким кардинальным изменениям. Кроме глубоких несоответствий в экономике, социальной инфраструктуре, мировоззрении граждан, множество проблем возникает и по причине несформированности условий диспозиций для социального знания. Те, кто активно мог перемещаться между развитыми странами и странами, трансформирующимися в рыночную экономику, часто не просто не уделяли внимания просветительской работе своих сограждан, но и были заинтересованы скрывать сведения о рисках, негативных последствиях и катастрофических перспективах. На разнице между знаниями и незнаниями в переходный период всегда делалась и делается значительная доля бизнеса и прибыли.

В комплексе социального знания основную долю составляют: интеллектуальная деятельность, качество мыслительных процессов индивидов, которые заменяют и вытесняют компоненты веры. Мышление может включать в себя и близкое к переживаниям эмоциональное воображение (основа человеческой изобретательности), и рациональную критику (движущую нас к очевидности). Схожую точку зрения находим у Э. Гидденса. Он устанавливает следующую дифференциацию на основе преобладания специфических черт познания: у акторов, “контролирующих ситуацию”, помимо прочих интеллектуальных способностей акцент в развитии делается на рационально-критическом мышлении; у социальных субъектов, “ситуативно воспринимающих происходящее”, — на эмоционально-доверительном типе мышления [2]. Комплекс доверительности у граждан Украины был чрезмерно развит.

В процесс изменений всего социально-политического устройства Украины основная часть населения вступала с большим наследием специфического сочетания “эмоционального” и “рационального”.

Известные патерналистские принципы взаимоотношений между Советским государством и гражданами способствовали формированию излишне эмоциональных и безответственных установок по отношению к надвигавшимся рыночным условиям. Длительное зависимое от государства положение людей и отсутствие знаний, представлений о принципах коммерческих отношений сопровождалось неоправданной верой в благодетельные начала, в гуманные принципы бизнеса. На почву такого “наивного менталитета”, отягощенного бедностью и нуждой, обрушилась масса циничных технологий по изъятию обманым путем ваучеров, денежных вкладов, жилья через финансовые пирамиды. Как и в интриге, основным ресурсом здесь выступало напряжение, с одной стороны, между чрезмерной иррациональной верой в чудо, алчностью, а с другой стороны, *знанием об этой слабости организаторов подобных технологий*. По мере “отрезвления”, в том числе и истощения компонентов веры в чудо, началось “движение маятника в обратном направлении”, стала формироваться закрытость, снижение уровня доверия. На примере похожих событий в Польше известный польский социолог П. Штомпка, а до него еще в 1979 году и Н. Луман в работе “Доверие и власть”, подробно исследовали причины возникновения недоверия. По мнению Штомпки, ориентация индивидов по отношению к действиям других в основном базируется на позициях: надежда/разочарование; вера/сомнения; ожидания приобретений или потерь в ситуациях риска.

Для периода виртуализации социальной реальности актуальной становится иная основа межличностных и межгрупповых установок — потребность в социальном знании как более рациональной системе отношений, вытесняющей эмоциональный компонент веры и доверия. Впечатляющим примером по поводу прагматизации современных отношений является рассказ социолога Диего Гамбетта о воспоминаниях одного мафиози в работе “Великий разрыв” Ф. Фукуямы. Основная мысль заключается в том, что самый близкий человек — отец — уговаривает своего сына взобраться на стену и спрыгнуть с высоты вниз. На все опасения мальчика отец убедительно заверяет: он не допустит, чтоб его сын упал и ударился. На самом деле, когда мальчик прыгнул, отец умышленно не помог ему. Ребенок больно ушибся, на что родитель ему заметил — это урок, чтобы ты не доверял даже самым близким родственникам [3, с. 30]. Забота о сыне в условиях мафиозной структуры выглядит, как самая жесткая дрессировка. В этом сюжете содержится проблеск угрозы надвигающейся тотальной рационализации жизни. При потребности в знании (селективная и полученная в соответствии с определенными критериями, специфически оформленная информация) роль веры и доверия резко девальвируется.

Таким образом, мы установили еще одну характеристику социального знания. Оно состоит из наличия хорошо отлаженного интеллектуального механизма и доступности информации. Социальное знание является одним из главных условий социального государства и гражданского общества. Делать акцент на свободе слова уже недостаточно для развития демократии в высоко интеллектуализированной и виртуализированной социальной среде. Без социального знания демократия получается управляемой.

Литература

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект. — 2003. — 528 с.
3. Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М.: ООО Издательство АСТ, 2003. — 474 с.

Т. Г. Каменська,

кафедра соціології

Інститут соціальних наук Одеського національного університету

ім. І. І. Мечникова

к. 40, Французький бульвар, 24/26, Одеса-58, 65058, Україна

СОЦІАЛЬНЕ ЗНАННЯ В ФОРМУВАННІ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА В УКРАЇНІ

Анотація

Стаття присвячена вивченню однієї з функцій соціального знання як наукової соціологічної категорії. За допомогою аналізу історичних подій, що відбувалися в різних умовах в країнах Західної Європи і в Радянській державі, ми встановлюємо відмінності конструктивістського підходу до соціальних процесів і принципу керування процесами в радянському суспільстві. В результаті ми доходимо висновку, що створення умов для соціального знання є ознакою формування громадянського суспільства.

Ключові слова: соціальне знання, довіра, конструювання соціальної реальності, віртуалізація соціальної реальності.

T. G. Kamenskaya,

Department of Sociology

Institute of Social sciences of Odessa Mechnikov National University,

r. 40, Frantsuzsky Boulevard, 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

SOCIAL KNOWLEDGE IN FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN UKRAINE

Summary

The article is dedicated to one of the functions of social knowledge as a scientific sociological category. Through the analysis of historical events that have been taking place in dissimilar conditions in Western European countries and in the Soviet state we fix the differences between constructivist approach to the social processes and the way of management by the processes in soviet society. As a result we come to the conclusion that creating conditions for the social knowledge determines civil society formation.

Key words: social knowledge, trust, construction of social reality, virtualization of social reality.